

КРЕПКИЕ
~~УЗЫ~~

Н И К А М А Р Ш

КРЕПКИЕ

УЗЫ

Как жили, любили и работали
крепостные крестьяне в России

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
М30

В коллаже на первой сторонке переплета
используется репродукция картины *Г. Г. Мясоедова*
«Страдная пора (Косцы)»

Марш, Ника.

М30 Крепкие узы : как жили, любили и работали крепостные крестьяне в России / Ника Марш. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-154396-9

Как крестьяне любили и ненавидели? Как относились к своим хозяевам и их детям? За сколько можно было купить себе парочку крепостных?

Известный блогер и историк Ника Марш дает ответы на все эти вопросы. Яркая, исполненная историями из реальной жизни, книга во всех деталях рассказывает о том, кем были крепостные на Руси, кому служили, а кого ненавидели. Легкий слог и внимание к деталям позволили автору создать поистине многогранный портрет крепостничества.

Предками абсолютного большинства жителей России являются крепостные крестьяне. Так ли уж сильно отличалась их жизнь от нашей? По мере прочтения этой книги, визнавая подробности странной и непонятной жизни крепостных, постепенно начинаешь понимать, что различия эти не так уж сильны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Марш Ника, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-154396-9

ПРОЛОГ

Почти двести лет в России существовал порядок, при котором одни могли с абсолютной легкостью распоряжаться другими. Люди жили бок о бок, но при этом находились словно на разных планетах. Полное бесправие крепостных и безграничная воля помещиков породили столько сюжетов, каких не сыскать ни в одном романе или сериале.

Это были крепкие узы. Настолько, что разорвать их не получалось много десятков лет. Пытался браться за это Павел I и его сын Александр I, размышлял над этим Николай I, и лишь Александр II решился поменять устоявшийся уклад. Современники не оценили: в 1881 году царя-освободителя убили народовольцы.

Крепостное право обросло мифами и множеством домыслов. Им до сих пор стыдят друг друга современники. А кто-то радостно сообщает: «А у нас его не было!» «Да такого вообще нигде не было!» — отвечают другие.

Эту страницу истории нужно изучать хотя бы потому, что она затрагивает каждого из нас. Мы

все — потомки хозяев или угнетенных, причастных или наблюдавших со стороны. За цифрами, обозначающими число крепостных, миллионы судеб. Некоторые из них сложились ярко, необычно. Другие канули в безвестность, уморенные Салтычихой, отправленные в солдаты, сгинувшие в петербургских борделях или на дальних рубежах империи.

Но история крепостного права соткана не только из слез. В ней есть место уму и таланту, везению и гордости, любви и преданности. Эта книга в первую очередь о людях. И о тех крепких узах, которые связывали помещика и крепостного.

ГЛАВА 1. КРЕПОСТНАЯ ЛЮБОВЬ

В России начала XIX века никто особенно не удивлялся, если владелец усадьбы уделял внимание яркой крепостной девушке. Даже у «солнца русской поэзии», Александра Сергеевича Пушкина, случился роман с дочерью крестьянина Калашникова, Ольгой. Об этом романе известно меньше, чем об увлечении поэта Анной Олениной или Елизаветой Воронцовой, но девушка явно оставила след в его душе.

Ольга попала в семью Пушкиных в девять лет. Сначала все Калашниковы служили Петру Абрамовичу Ганнибалу, которому Александр Сергеевич доводился внучатым племянником. В имении Петровское, где они обитали, уклад жизни был незатейлив: отец Ольги играл барину на гусях, а еще умел делать сладкие домашние настойки из ягод. Темно-красные, немного тягучие, они подавались студенными вечерами, чтобы напомнить о лете, чуть-чуть согреться. Но в 1806 году гусяра забрали в соседнее Михайловское, помогать Надежде Оси-

повне Пушкиной, и вскоре Михайло Калашников дослужился у нее до управляющего. Семью разделили: Калашников хотя и жил довольно близко, но все же отдельно от жены и детей, оставшихся в Петровском. Но кому было дело до предпочтений какой-то крестьянской семьи? О таких вещах не задумывались. Это ведь имущество! (Пусть и живое.) Но в 1814 году Ольгу приписали в «сенные девки» у Пушкиных. С тех пор у девочки появились новые обязанности: вышивать, пряхсть и шить по мерке. Тонкие пальчики юной работницы справлялись ловко, и Арина Родионовна, которой поручили присматривать за ней, почти всегда была ею довольна.

Учеба, потом придворная жизнь — Александр Пушкин мог не скоро еще показаться дома. Но в июле 1824 его наказали, предписав отправиться в материнское имение до дальнейших распоряжений. В том злополучном 1824 году поэт отличился дважды. В то время он служил в Одессе, под руководством графа Михаила Воронцова. Начальству Пушкин откровенно не нравился: не выказывал большого рвения к своему делу, зато обожал строить глазки графской жене, Елизавете Ксаверьевне. Но точкой кипения стала поездка Александра Сергеевича по Херсонской губернии. Ему следовало составить отчет о последствиях нашествия саранчи, буквально сожравшей все посевы. И с задачей Пушкин справился феноменально. Бумага, поданная им, была предельно красноречива:

Саранча:

23 мая — летела, летела,

24 мая — и села

25 мая — сидела, сидела

26 мая — все съела

27 мая — и вновь улетела.

Это выглядело откровенным издевательством, и Воронцов не просто гневался. Он орал и требовал от Пушкина объяснений. Полемика затянулась, поэт признавать неправоту не спешил. Дело принимало нехороший оборот.

Напрасно друг Вяземский умолял Пушкина быть осторожнее и сдерживать порывы. Какое там! Из-под пера летели злые строки о Воронцове:

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.*

Пушкин подал в отставку, однако граф опередил его со своим рапортом высочайшему начальству. И это вышло поэту боком. Из столицы последовали вести: извольте быть наказанным. Почти «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Александру Пушкину предписали отправляться в Михайловское, да поживее.

Отец негодовал и бранил своевольного сына. Опасения старшего Пушкина были понятны — своим поведением Александр ставил под удар не только самого себя. Ни одно семейство в России не хотело испытать гнев императора. Что это означало для знатной фамилии? Могло быть удаление от двора, лишение званий или должностей, а как итог — бесславное прозябание в провинции. И какие перспективы вдали от Петербурга, от его воз-

можностей? Да еще у небогатого, пусть и аристократического семейства?

Ссоры в Михайловском не прекращались, и в этой до крайности неприятной обстановке Александр Сергеевич и заметил крепостную Ольгу. Сердцу было чем утешиться: ей сравнялось девятнадцать, она оказалась очень миловидна, и только присутствие родителей мешало Пушкину приступить к решительным действиям.

Ухаживание за крепостной — было ли оно? Возможно, поэт говорил девушке какие-то приятные вещи, побаловал небольшим подарком. Но отношения начались позже, ближе к зиме, когда из Михайловского уехали почти все Пушкины.

Сначала Александру было невообразимо тоскиво. «Бешенство скуки пожирает мое глупое существование», — писал он. Потом тональность писем к друзьям поменялась, Пушкин почти привык к изгнанию и даже начал входить во вкус этого нового распорядка жизни:

«*Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки... своего воспитания. Что за прелесть эти сказки!*»

Впоследствии много станут говорить, что ему помогла поэзия, что его окрылили музы... Но были и другие моменты, которые скрашивали существование Пушкина: его связь с Ольгой Калашниковой.

Между Петербургом и Михайловским постоянно велась оживленная переписка. Своему лицейскому другу Ивану Пущину (поэт вообще любил поделиться любовными похождениями) Пушкин рассказал о крепостной почти сразу. По крайней

мере, побывав в Михайловском в начале 1825 года, Пущин оставил красноречивую запись в своем дневнике:

« Я тотчас заметил... фигурку, резко отличающуюся от других, не сообщая... Пушкину моих заключений... Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно».

Роман поэта с крепостной продолжался примерно полтора года — все то время, что Пушкин провел в Михайловском. Женат в ту пору он не был, и связь с крестьянкой считалась настолько обыденным явлением, что не вызывала удивления. Но 1 июля 1826-го Ольга Калашникова родила сына, названного Павлом и крещенного четырьмя днями позже (в XIX веке обряд крещения нередко проводился почти сразу после рождения дитя). Имя Пушкина ни в одной метрике упомянуто не было¹. Каким же образом стало известно, что это именно его ребенок? Дело в том, что сохранились письма к князю Петру Вяземскому, где Пушкин прямо просил друга поучаствовать в судьбе и Ольги, и младенца:

« Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на

¹ При крещении незаконнорожденных детей часто указывали только имена крестных, не уточняя, кто является родителями ребенка. Таким образом, Ольга стала одновременно матерью и крестной сына. — *Прим. авт.*

твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько понадобится, а потом отправь в Болдино (мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о попе; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах. При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно, ей-Богу... но тут уж не до совести».

«Обрюхатил», «мне совестно» — слова, далекие от любви. Но мог ли поэт, воспитанный настоящим дворянином, бывавший при дворе, близко знакомый со множеством высокопоставленных особ, всерьез увлечься обычной дворовой девкой? Конечно, нет. Ольга стала прекрасным времяпрепровождением, но не более того. К тому же осенью 1826 года Пушкин начал строить матримониальные планы. Встретив в Москве свою дальнюю родственницу, Софью Пушкину, очень уж поэт старался ей понравиться. Однако девушка предпочла другого — уже в декабре была помолвлена с другим.

Судьба же крепостной Ольги не совсем обычна: ей позволили оставить ребенка и даже выступить в качестве его крестной (сохранились записи болдинского Успенского храма). К сожалению, мальчик прожил всего 2 месяца и был похоронен в Болдино. Позже Ольга получила вольную и вы-

шла замуж за дворянина Павла Ключарева, вдовца с маленьким сыном. А Пушкин спустя несколько лет женился на Наталье Гончаровой.

Впрочем, он еще не раз поинтересовался, как живет его прежней возлюбленной, и получил 15 марта 1832 года ответ от ее отца: «Дочь только тем несчастлива, что ничего нет... что было все описано... При должности живут кое-как, а без должности хоть по миру ходи». Этот завуалированный намек на возможную помощь от поэта возымел действие: Пушкин сразу повысил жалованье отцу Ольги, чтобы тот мог какие-то крохи пересылать дочери. Но больше ничего сделать поэт не мог. У него у самого финансовые дела шли, мягко говоря, не очень.

Следы Ольги теряются уже после смерти поэта, и трудно сказать, как сложился ее жизненный путь, начиная с 1840 года. Последнее упоминание о ней связано с переездом в Петербург. А что дальше? Непонятно. Супруг молодой женщины был совершенно разорен, а еще частенько прикладывался к бутылке.

Кстати, пушкинисты уверены, что Калашникова — и есть та самая Ольга из донжуанского списка поэта. В 1829 году он шутки ради решил составить перечень всех дам, которыми когда-либо увлекался. Этот «реестр» был записан в альбоме Елизаветы Ушаковой, а почти шестьдесят лет спустя его опубликовали¹. Донжуанский список включает в себя два столбца имен (без фамилий или титулов), и вот

¹ Список был предан огласке в «Альбоме Пушкинской выставки 1880 года». М., 1887, табл. 4, 5, 6, после стр. 116. — *Прим. авт.*

во втором, пятнадцатой по счету, была обозначена Ольга.

Александр Сергеевич не был единственным помещиком, кто так милостиво обошелся со своей низкородной пассией. Как и Ольга Калашникова, крепостная возлюбленная ярославского помещика Панова тоже обрела свободу. Но Петр Федорович был готов жениться на девушке (ее имени история, к сожалению, не сохранила), а когда у нее родился сын Петр, объявил его своим законным наследником. У самого Панова была только одна дочь, Феофания, к тому времени — вдова с маленьким ребенком.

Признанная красавица, Феофания Мыльниковна переехала к родителям, как только оплакала мужа. Супруг почти не оставил ей имущества, и положение молодой женщины было отчаянным. Но в доме ее детства находиться теперь было невыносимо: мать повредила рассудком и буквально изводила Петра Федоровича и Феофанию капризами и приступами раздражения. Помучившись с год, выждав срок траура, вдова поспешила под венец во второй раз, с небогатым соседом Гавриилом Шестаковым.

После отъезда дочери Панов оформил вольную для возлюбленной (ему удавалось ее скрывать до поры до времени), дал свободу и всей ее немаленькой семье, а еще купил для них дом в Ярославле и небольшую гостиницу. Отныне крестьянка поднялась вверх по социальной лестнице, заняв место среди уважаемых мещан. На такой уже можно было жениться: не зазорно. Да и после скорой смерти жены для Панова не было никаких препятствий осуществить свой замысел... Но неожиданно вмешался новый зять.

Разговор между родственниками проходил на повышенных тонах. Сам без гроша за душой, Шестаков заявил претензии от имени жены. Феофания-де имеет все права на наследство Пановых (а оно было немалым) и категорически возражает против «крепостного брата» Павла. Обмен мнениями зашел так далеко, что зятя выставили вон. Но тот, распаленный «общением», отправился скандалить в ярославскую гостиницу.

Впоследствии свидетели утверждали, что господин Шестаков вел себя дерзко и неразумно, оскорблял родных молодой женщины, на которой собрался жениться Петр Федорович, затем потребовал для себя кофе, выпил его и вскоре ушел. Инцидент можно было бы считать исчерпанным, кабы не одно но. К вечеру Гавриилу Шестакову стало плохо, вызванный врач облегчить его страданий не смог, а наутро мужчина скончался. Заламывая руки, Феофания пошла к отцу. В округе шептались, что скандалиста отравили, но никаких обвинений владельцам гостиницы предъявлено не было. И здесь наверняка постарался помещик Панов.

Вероятнее всего, он действительно женился на бывшей крепостной крестьянке. Дело в том, что Павел получил права законного наследника (а бастард не смог бы на это претендовать), помещик дал ему достойное образование и, как говорится, вывел в люди. Только наука впрок не пошла: молодой Панов запомнился в губернии отнюдь не своей образованностью или прекрасными душевными качествами. Сам уже будучи взрослым семейным человеком, он нередко жестоко наказывал своих крепостных. В 1831 году на него была даже составлена

жалоба дворни, и годом позже, после всех разбирательств, ее посчитали справедливой.

Весной 1825 года помещик Иван Андреевич Якушкин решил жениться. Его избранницей стала... красивая молодая крепостная Прасковья Фалеева. Округа ахала, причитала и сплетничала: самому жениху-то восьмой десяток пошел. Никак умом повредился? Где это видано, чтобы дворовых в барскую опочивальню приводить... Только если на время. Соседи шушукались, как Прасковье повезло с баринном, а тот считал, что удача улыбнулась как раз ему. Да, помещику принадлежали конный и кирпичный заводы, маслобойня и мельница, немалые уголья и большой барский дом в Малоархангельском уезде, но Якушкин долгие и долгие годы жил совершенно один. С личной жизнью не задалось. Да ему и некогда было!

В юности Ивана Андреевича определили на гвардейскую службу: смоленский дворянин, хорошего рода. Прослужить вышло недолго: в 1781 году Якушкин заболел и ходатайствовал перед императрицей об отставке. В 26 лет, в звании подпоручика, он уехал в село Сабурово. Отныне жизнь его принадлежала поместью.

Он любил свое хозяйство и заботился о нем неустанно. Заводы работали, множились хозяйственные постройки. Якушкин быстро убедился, что даже старая каменоломня может приносить доход. Когда-то, еще при его дедах, графы Каменские брали у Якушкиных материал для возведения большой крепостной стены. Такова была графская прихоть: выстроить не хуже, чем Московский Кремль! Иван Андреевич каменоломню возродил, брал за материал недорого, работал честно.

«Завидный жених!» — вздыхали соседи с дочками на выданье. Любая пошла бы за него, но только Якушкин на женщин не смотрел. И не хворый, и явно не промах по любовной части (болтали, что в Петербурге был у него роман с одной из фрейлин императрицы), да только ему... было некогда. Время шло, утекало сквозь пальцы, а он его не замечал. Сам старился, и друг юных лет, Чиркин, уже обзавелся седой бородой. Говорил ему: ты бы, брат, остепенился. Неловко и странно без детей. И хозяйство какое!

Только когда годы взяли свое, Иван Андреевич вдруг притормозил. Задумался. По утрам уже и вставать получается не так резво, а дел невпроворот. Были бы сыновья — подсобили. Хочется ввечеру душу излить кому, и опять — кто послушает? Дворня на то и есть дворня. Будет улыбаться и кивать, да что они понимают! И веры им никакой. Одиночество пробирало не хуже мороза. Вот тогда Иван Андреевич ее и заприметил. Прасковью, пятнадцати лет. Девушка была, что кровь с молоком. А еще услужливая, бойкая, расторопная. Такая с любым делом справится. Просто отрада для старого помещика.

Дворовая девка интерес барина разделила. Приголубила Ивана Андреевича. А что? Старик добрый, ласковый. Понятливый. Говорили они на одном языке, друг друга понимали отлично. За годы ведения хозяйства помещик Якушкин так сблизился с крестьянами, что и шутить умел, как они, и тонкости их быта знал. Родные тоже говорили девке: счастье твое, Прасковьюшка.

Мать слезы лила, а она не понимала — почему? Хороший же мужик. Ну староват немного. Так ведь не в этом счастье. Дворовый раз ухватит ее за косу

и ну целоваться. А ей противно. Не любила Прасковья грубого обхождения. Так что с помещиком Якушкиным они поладили. Вскоре стало понятно, что родит она к сенокосу ребеночка. И появился на свет первенец, да в барском доме, сразу с нянькой и собственной детской. Вот уж повезло кровиночке!

Якушкин и сам прослезился. Виданое ли дело — под конец жизни такое счастье! Сыну сам придумал имя, всем дворовым выдал по рублю. Прасковья от материнства еще подобрела, стала статной, ладной, не девица — а видная молодая женщина. Разве что крепостная. Впрочем, в имении Якушкина об этом уже не вспоминали, и жила Прасковья в доме с названным мужем и ребенком.

Попробовали после этого соседи игнорировать Ивана Андреевича на ярмарке, но он так светился от счастья, что бойкот провалился. Да и камень у кого покупать? Кто лучше него масло сбивает? Так что пусть живет себе, как нравится. Бог все рассудит.

Прасковья оказалась плодовитой. Один за другим на свет появились еще два сына — Петр и Павел. А когда известила Ивана Андреевича, что вот-вот и четвертый наследник пожалует на свет, помещик велел запрягать и ехать к попу. Нельзя было больше медлить. Ругал себя, что раньше об этом не подумал. Надобно жениться! Прасковья — душа его, свет его очей — должна стать женой. 5 апреля 1825 года в церкви села Липовец Иван Андреевич взял в жены крепостную. Новоявленная барыня по этому случаю надела новый сарафан. В платье не вмещалась — беременная. Летом Якушкиных стало еще на одного больше.

На этом молодожены не остановились. Иван Андреевич словно хотел компенсировать все, что упустил. Еще трижды он стал отцом: у него родились сыновья Семен и Виктор, а потом дочь Наталья. Да только земной путь его подходил к концу. Девочке сравнялся годик, когда любезного папеньки не стало.

Другая бы руками развела, но бывшая крепостная (вольную оформили еще до женитьбы) взялась за дело резво. Теперь Прасковье Фалеевне принадлежали 173 крепостных души и 12 дворовых, да и она сама была не промах. Она многому научилась у мужа, что-то подсмотрела у соседей. Работать умела и любила, и дело у нее спорилось. Умирая, старик-помещик взял с нее слово, что дети получат образование, и Прасковья не была против. Да пусть учатся! Деньги у нее есть... Сын Павел¹, например, стал писателем, а сын Виктор — хирургом. Кстати, этот из Якушкиных, вполне возможно, увековечен Иваном Тургеневым. Однажды русский писатель ехал в поезде и познакомился с молодым медиком. Взглядов тот был радикальных, интересных, и многое Тургенев позаимствовал для своего романа. Он называется «Отцы и дети», а персонаж — Евгений Базаров².

Случай Прасковьи Якушкиной, конечно, нерядовой. Если невеста и жених принадлежали к разным сословиям, молодоженов почти всегда ожидали

¹ Павел Иванович Якушкин (1822—1872) — один из самых известных Якушкиных. Он стал писателем, этнографом, собирателем народных песен. Писал для «Отечественных записок». Умер от тифа. — *Прим. авт.*

² Есть и другие версии происхождения прототипа Евгения Базарова, Якушкин — только один из них. — *Прим. авт.*

большие сложности. Считалось аморальным и постыдным, если дворянин брал в жены крестьянку. Правда, женщина при этом получала личное дворянство, а ее дети уже могли рассчитывать на наследственное, однако в обществе они могли и не получить признания. Обычно их не принимали в «хороших домах», не приглашали на званые вечера, не допускали до императорского двора. Когда единственный сын княгини Дашковой, Павел, взял в жены обычную мещанку (даже не крепостную!), от молодого князя отвернулся весь Петербург. Конечно, все это делалось с подачи обиженной матери — ведь Дашкову поставили в известность постфактум, — но заступиться за Павла никто не сумел. Новобрачным пришлось туго, их отношения этих испытаний не вынесли, и спустя непродолжительное время они разошлись, хотя и не оформляли развод.

Бракосочетание же девушки-дворянки с крепостным и вовсе считалось из ряда вон выходящим. Прежде всего потому, что в этом случае она могла... лишиться свободы. Этнограф Серафим Шашков описал изумительный случай в XIX веке — как помещица Акулина Ф., молодая вдова, пошла под венец с собственным крестьянином. Ей бы следовало для начала дать вольную будущему мужу, но женщина об этом не подумала. А вскоре продала своих крепостных другому помещику: все шесть имевшихся у нее душ, вместе с домочадцами. То есть получилось, что Акулина продала саму себя: ведь она тоже была семьей крепостного! Обнаружив, что натворила, помещица обратилась к уездному дворянству и в итоге добилась свободы для себя и супруга. Но дворянином, согласно законам империи, она его сделать не могла.

Более ранняя история о продаже дворянина в крепостные случилась в конце XVIII века и была рассказана помещицей Елизаветой Петровной Яньковой своему внуку. Позже она вошла в книгу «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений», которые были изданы в 1885 году. А случилось все так:

Симбирский дворянин Степан Егорович Кротков считался человеком крутого нрава и очень скупым. Детям своим выделял буквально самое необходимое и беспрестанно отчитывал их за лишние расходы, а иногда не гнушался и выпороть. Но любовь к экономии такими методами помещик привить детям не смог. Один из младших Кротковых часто нуждался в деньгах (он стал завзятым игроком), а когда об этом узнал отец, то прогнал беспутного транжиру.

Степан Егорович и подумать не мог, что сын решится на месть. А он сговорился с другими братьями и без ведома отца продал одну деревеньку. А передавая новому владельцу список крепостных душ, внес туда еще одно имя: своего батюшки! Таким образом, Кротков-старший оказался проданным.

« Можно представить себе удивление старика: он и знать не знает, и ведать не ведает, и вдруг оказывается, что его имение продано... И из дворянина на старости лет в подушный список крепостных крестьян. Это было очень гласно в свое время, и, как ни просто было в ту пору продать и купить имение, старик едва выпутался из беды, и, ежели бы он не смилоствился над своим

сыном, тому не миновать бы ссылки за подлог и ужасный поступок с отцом. Сначала старик и слышать не хотел о прощении сына, так он был на него раздражен.

— Издыхай он, окаянный, в кандалах, Иуда, продавший отца родного.

Однако потом сестры уломали старика и склонили его выручить брата из беды. Кроткову это дело дорого стоило; он выгребил сына, но видеть его не хотел и сравнительно с братьями дал ему самую ничтожную часть из своего имения...

Чтобы наказать своих сыновей за их дерзость и чтобы они не выжидали корысти ради отцовской смерти, старик... женился на молодой девушке, дворянке, но бедной, на Марфе Яковлевне... Марфа Яковлевна оказалась очень хорошею женой, мужа-старика уважала и покоила до его кончины, была ко всем несчастным очень сострадательна и много сделала добра»¹.

Таких ситуаций, впрочем, старались не допускать. Принцип: «равный — с равными» действовал не во всех случаях, но считался приоритетным. Так что, когда в 1878 году Юзефина Сарнавская пошла под венец с Прокофием Тимошенко, это долго обсуждали в Браницах. Девушка была дочерью управляющего огромным поместьем, а вот Прокофий —

¹ Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / [подгот.: Т.И. Орнатская]; предисл. Д.Д. Благово. — 3-е изд. — М.: 2014. — 471 с. — *Прим. ред.*

бывшим крепостным. К слову, их сын Степан стал всемирно известным ученым, профессором Мичиганского и Стэнфордского университетов. А не позволил бы отец дочери пойти за любимым — не было бы работ по сопротивлению материалов и важных открытий в строительстве.

А в случае графа Шереметева разрешение на брак следовало получать у... государя. И Александр I его дал. Пусть на свадьбе графа и крепостной было всего 2 свидетеля, Николай Шереметев и Прасковья Жемчугова были счастливы. Их история — одна из самых невероятных за весь период крепостного права. Бывшая актриса, дочь кузнеца, вошла в богатейшую семью России!

Конечно, Прасковья Жемчугова не могла знать, что ей уготовано. Есть легенда, что мадам Ленорман предсказала Жозефине Богарне¹, что та станет «больше, чем королева». А Прасковья, как и все девушки того времени, хотя и загадывала желание на святки, ни разу не сумела заглянуть в будущее. Если бы она только знала!

Прасковья родилась в Ярославской губернии, в середине лета 1768 года². Фамилию отца дословно не сохранили до наших дней. Известно было, что он занимался кузнечным делом. Позже, когда Шереметев был уже страстно влюблен и готов на все, он придумал легенду для Прасковьи: она-де из польских дворян Ковалевских, когда-то попавших в плен к русскому князю Черкасскому. Поче-

¹ Жозефина де Богарне — первая жена французского императора Наполеона I. — *Прим. ред.*

² Точная дата рождения Прасковьи вызывает у ученых вопросы. — *Прим. авт.*

му Черкасскому — объяснялось просто. Прасковья и ее семья были частью приданого... Варвары Черкасской, которая вышла замуж за одного из Шереметевых.

В семь лет подвижную и приятную лицом девочку взяли в подмосковную усадьбу Кусково, где содержали крепостной театр. У Прасковьи был приятный голос, она обнаружила музыкальные способности, и ее принялись обучать всему, что в тот момент считалось необходимым для актрисы. Во-первых, итальянскому и французскому языкам, на которых пели в большинстве опер, во-вторых, игре на клавесине и арфе. Уроки Прасковье давала сама Елизавета Сандунова, известная в ту пору театральная дива! Девочке пророчили большое сценическое будущее...

И — угадали! Уже первое выступление Прасковьи в 1779 году посчитали очень успешным. Она была великолепна в опере Гретри: обаятельна, естественна, словно родилась для сцены. Двумя годами позже, в опере Монсиньи «Дезертир, или Беглый солдат», талант крепостной актрисы заиграл новыми гранями. Очень скоро после дебюта ей придумали творческий псевдоним: Жемчугова. Она и была жемчужиной среди остальных, девушкой столь большого и неоспоримого таланта, что о Прасковье начали говорить. Посмотреть на новую звезду в Кусково приезжала сама императрица Екатерина II. И, покоренная, как и все, игрой молодой актрисы, подарила ей с барского плеча бриллиантовый перстень¹.

¹ Крепостной театр Шереметевых прекратил свое существование в 1804 году. — *Прим. авт.*

Ей уже дарили дорогие подарки — восхищенные гости Шереметевых, но больше всех — их сын и наследник Николай. Граф не скрывал своего увлечения девушкой, и на это смотрели благосклонно: дело молодое. Но когда в 1790 году, после смерти отца, Николай заявил о готовности жениться, озадачены были все.

Николаю не было и тридцати лет, он находился в расцвете сил и на пике карьеры. Император Павел I сделал его гофмаршалом, что означало немедленный переезд из Москвы в Петербург. Граф не мог противиться. Но настоял, чтобы Прасковья отправилась с ним. Расставаться с возлюбленной и со своей идеей о браке Николай не собирался.

На рубеже веков в моде были тонкие муслиновые платья, словно у античных богинь, а погода в Петербурге не то, что в Риме. От туберкулеза и сильной простуды постоянно умирали молодые и красивые: Мария Лопухина, княгиня Тюфякина... Во Франции Наполеон пытался законодательно изменить моду, ведь и в Париже происходило то же самое. Но красавицы продолжали приезжать на балы в невесомых нарядах, да еще и специально мочили их, чтобы ткань облепляла безупречные ноги...

Прасковья заболела. Осипла. Прежний волшебный голос к ней не вернулся больше никогда. О сценической карьере (ее соломинка, ее слабая надежда на будущее, если граф отвернется от нее) можно было забыть. Жемчугова была в отчаянье. Но Шереметев успокоил: он даст ей вольную, он женится, он только добьется разрешения от императора!

С получением вольной долго ждать не пришлось. Помещик мог сам распоряжаться своим

имуществом. Свободу обрела не только Прасковья, но и члены ее семьи. А вот позволение на брак запаздывало. Павел I хотя и любил устраивать браки своих подданных, вовсе не был уверен, что крепостная — подходящая партия для одного из богатейших людей империи. Шереметеву отказали.

Шли годы. Граф по-прежнему был верен своей любимой, стараясь не обращать внимания на неодобрительные взгляды со стороны. Только в 1801 году, уже при следующем императоре, Александре, Жемчуговой и Шереметеву дали позволение на брак. Разумеется, о пышной свадьбе не могло быть и речи. Минимум свидетелей (всего два), никаких гостей, скромная церемония в храме Симеона Столпника. Относительно свидетелей мнения разнятся: невесту представляла ее подруга Татьяна Шлыкова-Гранатова, а жениха — то ли князь Щербатов, то ли архитектор Кварнеги.

За глаза Шереметева называли сумасшедшим. Выбрать актрису! Крепостную! Среди стольких знатных красавиц! Против Прасковьи теперь играло не только ее происхождение, но и ее ремесло. Как бы ей ни рукоплескала императрица Екатерина II, «актерка» не могла рассчитывать даже на место среди других могил после смерти. Лицедеев хоронили за оградой. Особенно набожные после каждого спектакля ходили к священнику с раскаянием.

Но все это была шелуха, неважное. Граф Шереметев и Прасковья Жемчугова ожидали ребенка. Теперь он занимал все их мысли, а осуждение остальных не имело никакого значения. Мальчик, Дмитрий, родился 3 февраля 1803 года. Красавице-

графине после этого было отведено всего 3 недели. Сырой климат Петербурга подорвал здоровье Прасковьи. А граф словно обезумел. Он потерял смысл жизни и бесцельно метался между столицей и московским имением.

« Я питал к ней чувствования самые нежные... — писал Николай. — Качества ее... заставляли меня пограть светское преудеждение... и избрать ее моей супругой».

От Прасковьи остался лишь портрет (в белом платье, по античной моде, но с алой накидкой. Как у актрисы? Или как у гордой римлянки, которой приличествует пурпур?!) и распоряжения о благотворительности, которые взял на себя граф Шереметев.

Графа не стало шесть лет спустя, маленького сироту Дмитрия взяли на воспитание родственники, а затем определили в пажи. Он сделал придворную карьеру, занимался благотворительностью и был дважды женат. Интересно, но вторая супруга Дмитрия Шереметева была тоже выбрана им за талант. Александра Мельникова происходила из дворян, окончила престижный Смольный институт и еще изумительно пела. Чтобы жениться на этой девушке, Дмитрию Николаевичу также потребовалось разрешение от императора, впрочем, разрешение на брак досталось сыну несколько проще, чем отцу, в свое время полюбившему крепостную актрису.

На рубеже XVIII—XIX веков театры были настоящей «точкой притяжения». Посещать яркие премьеры, дарить актрисам дорогие украшения —

вошло в моду именно тогда. У многих знатных людей Российской империи были свои «протезе» среди служительниц муз. Среди любителей богемы оказался и князь Гагарин, который рукоплескал красавице Екатерине Семеновой. Как и Прасковья Жемчугова, девушка начала свою карьеру как крепостная.

О происхождении Екатерины известно довольно хорошо и подробно. В середине 1780-х смоленский помещик Путята решил отблагодарить учителя, который помог сыну сдать экзамены. Кроме кошелька с золотом, дворянин передал Жданову двух крепостных — девушку Дарью невероятной красоты и слугу Семена. От этого-то учителя Дарья и забеременела, и в 1786 году на свет появилась девочка Екатерина. Формально ее записали в дочери Семена, так что в историю она вошла как Екатерина Семеновна Семенова, без малейшего намека на настоящего отца.

Можно считать, что ей повезло: Жданов отдал ребенка обучаться в Петербургскую театральную школу. Часто девочки-полукровки работали в домах собственных «папенек», не подозревая об истинном положении дел. Екатерина получила возможность сделать шаг вперед, из дворни — в актрисы. Уже в школьные годы состоялся ее первый театральный дебют, и молодую особу признали способной.

В девятнадцать лет Екатерина Семенова вошла в труппу Александринского театра. Там бывали члены императорской семьи и самые знатные люди империи, от блеска бриллиантов слепило глаза... Красавицы известнейших фамилий с интересом разглядывали новенькую на сцене: мила, с при-

ятным голосом и чудесно играет! Взлет был стремительным. Екатерина моментально превратилась в звезду первой величины!

Красота, помноженная на талант, имела успех. Даже Пушкин писал о Семеновой исключительно в восторженном ключе:

« Одаренная талантом... она образовалась сама собой. Семенова никогда не имела подлинника... Игра свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений... — все сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано. Она украсила творения несчастного Озерова... она одушевила измеренные строки Лобанова, в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах... слышали мы одну Семенову».

В начале века в моде была античная красота — прямые и крупные черты лица, покатые плечи, темные волосы... Природа щедро наградила Екатерину всеми этими достоинствами, и мужчины не могли от нее глаз отвести. Говорили, что этот профиль просится на монеты, словно у императрицы. Да чего только о Семеновой не говорили!

Но у нее были и соперницы: французская актриса Жорж и соотечественница Мария Вальберхова. Здесь Екатерина была категорична. Увидев, что ее поклонник князь Шаховской делает авансы Марии, моментально дала ему отставку. Но Вальберхова не могла по-настоящему конкурировать с Семеновой: у нее был комедийный талант, а вот

Екатерина блистала именно в трагических ролях. Однако Мария получала жалованье в 1500 рублей, и это превышало доход Семеновой. Нужно ли говорить, что Екатерина злилась?

Став заметностью, актриса начала позволять себе капризы. Слава вскружила ей голову. Теперь она опаздывала, резко высказывалась, если ее критиковали, требовала для себя особого положения... словом, давала понять, что она вправе делать все это. В тот момент ее обожателем стал князь Иван Алексеевич Гагарин. Богач и завятой театральный посетитель спектакли исключительно ради Екатерины. Но рассчитывал и на большее.

Со временем директором театров стал вдовец князь Тюфякин. Он рано потерял из-за уже упомянутой «муслиновой болезни» свою красавицу-жену Екатерину и с тех пор жил холостяком. При всей его внешней привлекательности и образованности Тюфякин слылся человеком резким, грубым, подчас непримиримым. Его манера вести себя с актрисами не нравилась Екатерине. Они не смогли поладить, и Семенова ушла со сцены.

Отныне блистать приходилось в любительских спектаклях, что не соответствовало ни уровню актрисы, ни ее амбициозным устремлениям. Но Гагарин позвал ее замуж! И в 1828 году свадьба состоялась.

Старше ее на пятнадцать лет, Гагарин был вдовцом и отцом шестерых детей. Разница в социальном положении не могла позволить Семеновой войти в великосветский круг, и даже княгиней ее не называли. Но они прожили вместе пятнадцать очень счастливых лет и нажили четверых совместных детей, которым высочайше позволили носить

фамилию Стародубских. В свете мезальянс не произвел большой шумихи — Гагарину было кому передать княжеский титул, да и к Семеновой общество относилось более чем благосклонно. Правда... дети князя, когда того не стало, никак не хотели поладить с мачехой. Начались долгие тяжбы за наследство, отчего Семенова, страшно переживая, полностью ослепла. Ей удалось отстоять некоторую часть имущества, ведь рассчитывать на собственные силы она уже не могла. Красота поблекла, время упущено...

Крепостная любовь довольно часто не была историей со счастливым концом. Лучше других об этом мог бы рассказать царевич Алексей, сын Петра I. Наследник российского престола, старший сын императора от Евдокии Лопухиной, в 1714 году был готов жениться на крепостной. Раньше ему пришлось пойти под венец по велению отца, а вот Ефросинью он выбрал сам. Но так вышло, что именно эта женщина, ради которой царевич был готов нарушить отцовские запреты, стала для него роковым выбором. Ефросинья погубила царевича Алексея, и ее показания поставили жирную точку на возможности примирения между двумя Романовыми.

В Торгау, в солнечный октябрьский день 1711 года, сложно было представить, что все завершится крепостью и пытками. Именно тогда вино лилось рекой, а на лицах сияли счастливые улыбки: это праздновали важный для России союз. Первый из Романовых взял в жены настоящую европейскую принцессу! Петр I мечтал породниться с западными державами — это поставило бы его в один ряд с другими государями. Для развивающейся импе-

рии признание было важно. Позже он будет вынашивать планы о замужестве цесаревны Елизаветы с французским королем Людовиком XV, он подыскивал подходящих женихов для племянниц. Но европейские монархи не спешили раскрывать объятия Романовым. О них мало знали, их обычаи были плохо понятны (прежде всего — церковные), и даже «прорубленное окно» пока еще имело вид скромной форточки.

Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттель¹ на рынке невест не была особенно нарасхват, но ее ставки выросли, когда ее сестра стала женой возможного претендента на трон императора Священной Римской империи. С таким козырем в биографии девушка могла рассчитывать на отличную партию. И ехать в Россию ей не очень хотелось.

Виноват в этом, как ни странно, был сам Петр. То, что первую жену он отослал в монастырь, знали в Европе преотлично. Сомнительная биография его новой пассии, Марты Скавронской (тогда она еще не стала императрицей), тоже не вызывала воодушевления. В такую семью не рвутся. Переговоры шли трудно. Но в 1711 году удалось достичь цели: Алексея и Шарлотту обвенчали. Причем это была необычная церемония — она велась по православному обряду, хотя сама принцесса веры не меняла. Это уже после, начиная с Екатерины II (Софьи Августы Фредерики Ангальт-Цербстской), немецких

¹ Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1694—1715) — жена царевича Алексея Петровича, мать императора Петра II, тетка императрицы Марии Терезии и королевы Пруссии Елизаветы Кристины, супруги Фридриха Великого. — *Прим. ред.*

невест поведут выбирать новые имена и требовать перехода в православие. Шарлотта осталась и при своем имени, и при вере.

Гости и дипломаты преувеличенно радостно общались друг другу, будто между молодыми царит полное «душевное согласие». На самом деле новобрачные едва глядели друг на друга. А потом царевич отправился в Померанию, и еще почти полтора года новоявленная супруга жила у польской королевы или у своего деда. В Петербург ее привезли лишь в 1713 году, и первая, кого увидела принцесса, — та самая полковая прачка¹, от которой воротили нос в Европе. Разубранная шелками, в бриллиантах, она теперь была императрицей. Подошла было поцеловать «невестку». Но Шарлотта аккуратно отстранилась. Хмурясь, Екатерина сообщила девушке, что император в Финляндии, а царевич Алексей — занят на Ладого.

Принцессе пришлось ждать все лето, прежде чем она увидела мужа. Хорошенькая, светловолосая девочка-подросток, какой она была в тот момент, чувствовала себя в Петербурге неуютно. Города с каменными набережными и дворцами в ту пору еще не было, везде шла стройка. Шум и грязь не прекращались, постоянно обнаруживалось, что чего-то не хватает, и требовалось заказывать издалека. В бытовом плане Петербург 1713 года был далек от идеала.

Вернувшись в столицу, царевич Алексей сразу направился к жене. А утром опять уехал. Отец давал ему много поручений, а вечерами царевич

¹ Екатерина I (Марта Скавронская) до знакомства с Петром I была замужем и работала прачкой. — *Прим. авт.*

любил шумные компании и попойки. И вот тогда выяснилось, что супруги различны, как масло и вода. Они никогда не смешиваются. Шарлотта, с ее тонким профилем, нежным личиком и светскими манерами, никогда бы не пошла в кабак, где кутили друзья Алексея. Ему же нравились веселые, пышнотелые бабы, разбитные, покладистые и способные пить с ним до утра.

Так что семейная жизнь не ладилась. И еще постоянно не хватало денег: Петр не баловал невестку. «Уехала бы в Германию, — писала София Шарлотта матери, — и согласилась бы питаться только хлебом». Но в тот момент молодая женщина ожидала ребенка, а значит, ее жизнь уже была неразрывно связана с Россией.

Беременность жены в какой-то мере освобождала царевича от необходимости быть рядом с ней. Врачи рекомендовали воздерживаться от интимной жизни, и Петр загулял еще веселее. Он присмотрел себе Ефросинью Федорову, крепостную своего воспитателя, Никифора Вяземского. Это была женщина в его вкусе! Крутобедрая, полная, с большим улыбающимся ртом. И она — разумеется! — совсем не возражала против бурных гуляний царевича Алексея. Разве могла крепостная сказать слово поперек? Ее задача одна — сделать барина счастливым...

Шарлотта была на сносях, когда ей стало известно про Ефросинью. Она жаловалась мужу, что он невнимателен к ней. Что он открыто гуляет с девкой и тем самым унижает ее, немецкую принцессу. Отчаявшись, она даже бросилась к свекру: отпустите меня домой! Конечно, она понимала, что ей не разрешат уехать. Кто бы отпустил мать буду-

щего наследника? Поэтому Петр ласково попросил Шарлотту успокоиться.

Вместо принцессы уехал Алексей. Он забрал и свою крепостную фаворитку (есть версия, что он ее выкупил). Его не было рядом с женой, когда она, 21 июля 1714 года, родила дочь, царевну Наталью Алексеевну, названную в честь любимой сестры императора. Сам Петр был рад, хотя сноха и не пополнила род Романовых мальчиком. Но поведение сына его взбесило. Словно он сам всегда был предан жене и относился с вниманием к ее просьбам... Чтобы немного приободрить Шарлотту, он прислал ей подарков, но тут же отписал Алексею гневную депешу. И когда тот вернулся, почти полгода спустя, поговорил с ним, не стесняясь в выражениях.

Петру казалось, что Алексей действует назло ему. Этот брак, на который возлагали такие надежды, сын откровенно «прогуливал». Да, и в европейских семьях не все складывалось идеально, но Алексей мог хотя бы проявить к жене уважение! Несчастливая принцесса, пишущая семье скорбные письма, — не лучшая реклама для России.

Ефросинья сглаживала все острые углы, и даже отповедь отца для царевича не была такой страшной, если рядом была его любимая женщина. Состояние здоровья ребенка, неудовольствие жены интересовали его в последнюю очередь. Но под нажимом Петра ему пришлось поехать к Шарлотте. Отныне он бывал у нее, ради соблюдения приличий, но всякий раз возвращался к своей крепостной любовнице.

В 1715 году принцесса сообщила, что к осени у Романовых появится еще один наследник. Шарлотта страстно надеялась, что это будет сын. Она

не питала надежд на благосклонность мужа, но мальчик мог бы, определенным образом, «освободить ее». Любая девушка из знатной фамилии понимала, что ее главная задача — продолжение рода. Рождение сына позволило бы Шарлотте считать свою миссию выполненной. И добиваться отъезда из страны, где она чувствовала себя нелюбимой и чужой.

На этот раз носила она тяжело, трудно, а в августе упала с лестницы и с тех пор почти постоянно испытывала боль:

« Я... принуждена почти всегда лежать на спине; ходить не могу, и если мне нужно сделать два шага, то приходится меня поддерживать», — написала она матери в то же самое время.

Немецкая принцесса выполнила то, ради чего ее пригласили в Россию, — 22 октября 1715 года она произвела на свет сына. Мальчика нарекли Петром, в честь деда. Но воспитывать ребенка несчастной Шарлотте не было суждено. Она умерла почти шесть дней спустя, предположительно от перитонита. Перед этим, уже понимая неизбежность кончины, она успела проститься с мужем и свекром и поручить их заботам двоих детей. Современники записали, что во время этой сцены царевич Алексей падал в обморок несколько раз. Муки Шарлотты были настолько ужасны, что престолонаследник не справился с чувствами.

Младенец Петр был сразу передан на попечение кормилиц и нянек. Спустя семнадцать дней после его рождения у императора появился младший

сын, от Екатерины, второй жены. И его также называли Петром. В семействе Романовых в одно время оказалось сразу два царевича Петра, и придворные сделали верный вывод — наверняка император хочет передать трон этому малышу, а не вздорному сыну. А уж тогда участь Петра Алексеевича вообще кажется малопонятной...

Царевич, по всей видимости, тоже догадался о планах отца. Брат-конкурент раздражал его самим фактом существования, и он начал строить планы отъезда и женитьбы. Конечно, на Ефросинье. Она была с ним одной веры, русской, не то что Марта Скавронская, ненавистная мачеха. Петр отчитывал сына за отсутствие усердия в делах, грозился лишить наследства. У Алексея промелькнула была мысль о постриге — но, возможно, он нарочно высказал ее при отце, чтобы дать ему ложную надежду. На самом деле он подготовил побег. И в 1716 году выехал в Вену.

Ефросинья сопровождала его в мужском платье (говорили, что ей очень идет этот наряд), и, конечно, была первой, кого Алексей посвящал в свои планы. А они поражали масштабом: отсидеться в Австрии, дожидаться отцовской смерти и поехать в Петербург в сопровождении войск австрийского императора. Он готовился к противостоянию на родине¹.

¹ К утверждениям о замыслах Алексея Петровича занять российский престол при помощи австрийских штыков, основанным преимущественно на признательных показаниях Алексея и Ефросиньи в ходе следствия Канцелярии тайных и розыскных дел, нужно относиться с осторожностью (впрочем, как и к любым другим утверждениям, основанным на исторических свидетельствах такого рода). — *Прим. авт.*

В Петербурге решили, что этот вояж надо прекращать. Из российской столицы Алексею летели письма:

« Я тебя обнадеживаю и обещаюсь... что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься».

Царевич сомневался. В такой сложный момент ему был нужен хороший совет, желательнее от человека старше и опытнее себя. Но... такого в тот момент не оказалось. А крепостная Ефросинья или не вмешивалась, или сама не знала толком, как следует поступить. А Петр продолжал увещевать:

« Желает жениться на той, которая при нем, и в том весьма ему позволится, когда в наш край приедет», — писал Петр I.

Возможно, это — обещание, что ему позволят жениться, — и сыграло самую важную роль. Алексей согласился снова ступить на родную землю. Однако российские посланники настояли, чтобы возвращался он без Ефросиньи. Женщину обещали привезти отдельно. Так и вышло: Алексей оказался в России 31 января 1718 года. Крепостная — в двадцатых числах апреля. Уже 3 февраля царевич в Успенском соборе торжественно отказался от трона в пользу своего младшего брата. А на следующий день в отношении Алексея началось расследование. И прибытие весной Ефросиньи окончательно погубило царевича.

« Писал царевич письма... жалуясь на отца, — рассказывала крепостная на допросе. — Говорил, что в русских войсках бунт и что это его весьма радует... Узнав, что младший царевич болен (речь идет о Шишечке¹, сыне Петра I и Екатерины I. — Прим. авт.), благодарил Бога за милость сию... Говорил, что «старых» всех переведет и изберет «новых»... Что когда станет государем, то жить станет в Москве, а Петербург оставит простым городом... кораблей держать не станет вовсе... Мечтал, что отец его умрет, тогда будет смута великая, ибо одни станут за Алексея, а другие за Петрушу-шишечку, а мачеха глупа зело, чтобы со смутой справиться».

Поощрение смуты, мечты о смерти государя и младшего брата — все это император не мог оставить без внимания. Смертный приговор царевичу подписали 24 июня 1718 года. Но привести его в исполнение было не суждено — Алексей Петрович Романов скончался в Петропавловской

¹ Шишечка — царевич Петр Петрович — сын Петра I от Екатерины Алексеевны. Родился 29 октября 1715 года в Санкт-Петербурге, умер там же, 25 апреля 1719 года. Его смерть открыла дорогу к трону сыну царевича Алексея, Петру, который впоследствии взшел на престол под именем Петр II. Вероятнее всего, ребенок был изначально слаб здоровьем — в трехлетнем возрасте он не говорил и не ходил. Во время похорон Шишечки произошел неприятный инцидент: Степан Лопухин буквально демонстрировал свою радость из-за смерти царевича, после чего был сослан в Сибирь вместе с семьей. — Прим. авт.

крепости двумя днями позже. По официальной версии — от удара. Однако историк XIX столетия, Николай Герасимович Устрялов¹, утверждал, что сердце царевича не выдержало пытки, которой его подвергли перед подписанием смертного приговора.

Ефросинья еще не раз подтвердила свои слова, после чего была оправдана. После смерти Алексея она вышла замуж и получила приданое от императора — 3 тысячи рублей. Громадные деньги по тем временам. Приказ об этом был подписан лично Петром I². Правда, есть еще одна версия — что 27 июля 1718 года «Девке Ефросинье за правое сказание по царскому милосердию живот дарован и в монастырь на вечное покаяние отослана»³.

Многие историки склоняются к мнению, что Ефросинья вовсе не была случайностью в жизни

¹ Николай Герасимович Устрялов (1805—1870) — русский историк, археограф, педагог, профессор русской истории Санкт-Петербургского университета. Адъюнкт (1837), ординарный академик (1844) Петербургской академии наук. Декан историко-филологического факультета Петербургского университета (1839—1855). Автор гимназических учебников истории. — *Прим. ред.*

² У многих возникает вопрос: почему Петр решил казнить своего сына? Кто бы мог в этом случае наследовать трон? Однако император не переживал за будущее государства — у царевича Алексея имелся сын (будущий император Петр II), и самые большие надежды возлагались на потомство от Екатерины Алексеевны, второй супруги. Как известно, Екатерина сумела подарить государю сына, но он скончался в раннем возрасте. — *Прим. ред.*

³ Данные приведены в труде Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого». — *Прим. авт.*

царевича Алексея. Что ее роль была составлена задолго до 1718 года, и она ее с блеском сыграла: привела царевича к гибели, как кем-то и замышлялось. Всем была известна неприязнь, которую отец питал к сыну. Ее следовало умело подогреть и усилить. К тому же Алексей и сам допускал множество ошибок. Демонстративно являлся к матери в монастырь, что всякий раз раздражало императора. Общался с людьми, не выносившими Петра I. Вот почему в любви Ефросиньи к наследнику престола можно усомниться. Шпионка? Очень может быть!¹

В корыстолюбии и желании обогатиться подозревали еще одну известную крепостную: Настасью Минкину. На протяжении почти трех десятков лет она была главной женщиной для военного министра, человека невероятного влияния при дворе — Алексея Андреевича Аракчеева.

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета² он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
<Б... ди> грошевой солдат.*

(А. С. Пушкин)

¹ Подобные теории заговора, хотя, безусловно, имеют право на существование, с научной точки зрения представляются неубедительными. — *Прим. авт.*

² Имеется в виду Государственный Совет Российской Империи. — *Прим. авт.*

Тот самый эвфемизм, который употребил Александр Сергеевич¹, говоря о преданности Аракчеева, относился к Настасье Минкиной. Эта молодая женщина была хорошо известна за пределами имения Грузино (не путать с Грузинами в Тверской губернии) благодаря долгим, прочным и по-своему примечательным отношениям со знаменитым в ту пору человеком.

О ее происхождении и появлении в поместье Аракчеевых почти ничего не известно. Сведения, скорее всего, были вымараны позже. По одной из версий, она была дочерью цыгана Федора Минкина, поступившего на работу в конюшню, да так и оставшегося в деревне. Матерью, скорее всего, была обычная крепостная, чье имя история не сохранила.

Другая теория — что девицу Настасью купили для работы в барском доме, когда ей исполнилось пятнадцать. Но в любом случае известно точно: она была невероятно красива. Портреты, сохранившиеся до наших дней, рисуют образ яркой южной девушки. Черные волосы, темные глаза и смелый взгляд. Говорили, что Настасья Минкина умела себя подать. Она не робела, как многие дворовые девушки, не отводила взгляда, если барин смотрел на нее. А еще умела и хотела учиться. Подмечала, как говорят настоящие дворяне, как держит спину хозяйка усадьбы... Среди других босоногих девчонок Настасья заметно выделялась.

Наследник поместья, Алексей Андреевич, приезжал нечасто. Но этого хватило, чтобы он разгля-

¹ Любопытно, что сам Александр Сергеевич тоже состоял в отношениях с крепостной. — *Прим. авт.*

дел Минкину и... влюбился. С 1798 года она стала настоящей фавориткой: с собственной комнатой, почти не занятая работой, в новых шелковых платьях. Аракчеев не скупился для возлюбленной. Справедливости ради, она вела себя очень умно. Настасья сделала ставку не только на красоту (в Петербурге, где Аракчеев проводил большую часть времени, хватало красавиц на любой вкус), но и на умение занять барина беседой. Они подолгу проводили время вдвоем, гуляли по дорожкам парка и постоянно разговаривали.

В 1799 году Аракчеев стал графом, и Настасья заволновалась. Карьера Алексея Андреевича шла в гору, и он в любой момент мог принять решение о женитьбе. Этого Минкина допустить не могла. Но она же понимала, что ее собственная биография является самым большим препятствием для их союза. Аракчеев мог возвысить ее, если бы только захотел. И он захотел!

Настасья подходила к этому вопросу осторожно, боясь упустить открывавшуюся возможность. Аракчеев не подвел. Он действительно переговорил с нужными людьми, заплатил денег, и в одночасье дворовая девка Минкина превратилась в дворянку Шумскую, с родословной, насчитывающей триста лет. Такой поворот в судьбе придал Настасье смелости. По усадьбе она ходила уже с другим видом — хозяйским, победоносным. Голос чаще звучал требовательно, и распоряжалась она уже, будто у себя дома.

Аракчееву донесли, а он отмахнулся. А по приезде сообщил: делами имения будет заниматься Настасья. Она знает всю подноготную лучше, она отлично управится. К слову, это оказалось смелым, но

верным решением. Подсчитывать цифры Настасья умела превосходно (и где только научилась?). Она завела толстенную папку с бумагами, куда подробно записывала: каков приход, каков расход, сколько потратили на скотину, во что обошлась закупка корма и заготовка сена, кто ворует, а кому надо «подмазать», чтобы решить вопрос о спорном лесочке на границе имения...

Дело спорилось, Аракчеев был доволен. Но жениться на Настасье не осмелился. Он отлично понимал, что липовая биография «невесты» в Петербурге обратится в ничто. Стать посмешищем в глазах всего света граф не собирался. Одно дело — сделать приятное возлюбленной, другое — нанести фальшивый герб на дверцы кареты. Настасья, при всей ее красоте и молодости, при явных талантах к управлению, в гостиных светских львиц выглядела бы неуместно. Но ему нужно было жениться, обзавестись наследниками, и... в 1806 году он повел под венец девицу Наталью Хомутову. Настасье в то же самое время «подняли жалованье». Если ранее за управление поместьем она получала 300 рублей в год, то отныне — 2400.

Это не была блестящая партия: Хомутова не принадлежала ни к княжескому, ни к графскому роду. Отец ее был полковником, мать — дворянкой из малоизвестной фамилии. Однако Наталья Федоровна сразу проявила себя и дала понять супругу, что его связь с какой-то девкой Настасьей ей не по нутру. Новоиспеченная графиня попыталась указать на разницу между собой и крепостной, и в этом была ее ошибка.

Аракчеев не нуждался в ее советах и тем более в наставлениях. Женитьба требовалась ему для

статус-кво, а не из-за того, что он внезапно воспы- лал к Хомутовой: «Знайте свое место!» Начались бурные ссоры. Чтобы жена не задумала приехать в поместье, слугам были даны распоряжения: карета запрягается только для выездов к родне и по го- стям. В пределах Петербурга. Когда графиня узна- ла об этом, Аракчеев был в отлучке. В бессильной злобе она попросту укатила к матери, собрав вещи.

Склеить эту семейную лодку граф, впрочем, по- пытался. Скандал не украшает государева человека, и Аракчеев поднял белый флаг. Однажды ему даже удалось склонить жену к решению вернуться до- мой. Но в карете между ними вспыхнула новая ссо- ра, и Аракчеев приказал кучеру остановиться. Он вышел из экипажа и больше не виделся с женой. Не разводясь (что в XIX веке было делом хлопотным), они разъехались навеки. Шел 1807 год, с момента венчания Аракчеева и Хомутовой прошло не боль- ше года.

Настасья летала от счастья. Он снова принад- лежит ей! Говорили, чтобы крепче привязать гра- фа, она забрала ребенка у крестьянки Лукьяновой и выдала за своего. Впрочем, в биографии Настасьи было столько исправлений, что и этот момент мог оказаться выдумкой. Хотя мальчик Михаил Шум- ский существовал, но отчество носил «Андреевич» и считался воспитанником Аракчеева. Была ли его матерью Настасья? Никто не знает наверняка.

Во время отлучек Аракчеева Настасья писала ему нежные письма, из которых несколько сохра- нилось: «Рада умереть у ног ваших... ожидаю ваших милых писем... Целую ваши ручки, милый... Ах, друг мой, нет вас — нет для меня веселья и утешенья... Дай Бог, чтобы ваша любовь была такова, как я чув-

ствую к вам... Вам не надобно сомневаться в своей Насте, которая каждую минуту посвящает вам».

Судачили, что из особого почтения к барину-благодетелю Настасья поутру укладывалась спать у порога его опочивальни, чтобы Аракчеев, проснувшись, увидел и оценил ее покорность.

Но несмотря на заботу, на почти раболепное служение графу, в положении Настасьи ничего не изменилось. Она по-прежнему была главной женщиной Аракчеева, но ни на йоту не приблизилась к положению жены. Алексей Андреевич регулярно приезжал в Грузино и покидал его снова. Оставлял денег, давал распоряжения, просматривал книги с отчетностью, которые подавала ему Настасья. Видел ли он недочеты? Задавал ли вопросы о средствах, которые растворялись непонятно где? Дворня уверяла друг друга, что Минкина ворует! Да еще и дает взятки! Или это снова было проявлением зависти?

Болтали, что Настасья запыла в отсутствие графа, что превратилась в грузную отвратительную женщину. Что она тайком ходила по знахаркам и бабкам в поисках приворотного зелья... Но злые языки «страшнее пистолета». А пьющая и опустившаяся женщина быстро потеряла бы расположение графа. Однако мы знаем, что этого не произошло. Более того, к началу 1820-х Аракчеев положил на счет Настасьи Минкиной 24 тысячи рублей. Готовил ей безбедное существование на всякий случай? Скорее всего. Также внимательно он относился к Михаилу Шумскому. С 1824 года молодой человек состоял при нем «для особых поручений» (закончив при этом немецкий пансион и Пажеский корпус).

Один непреложный факт — Настасья стала злиться. Не сумев добиться самой главной цели, она чаще выходила из себя и назначала наказания дворне. Одних секли, других морили голодом. За сплетни о себе наказывала особенно сурово. Проснулась и ревность. Девка Прасковья Антонова, прибивавшаяся в доме, показалась Настасье слишком красивой. Да и Аракчеев на нее взглянул «как-то не так»! Этого было достаточно, чтобы горничной жгли лицо щипцами для завивки волос.

Пошли слухи о самоубийствах крестьян, о пытках во флигеле поместья. Насколько они соответствовали действительности или у страха глаза велики? Было ли то на самом деле, но не получило огласки из-за близости Шумской к военному министру?

Настасью пытались отравить — свои, дворовые, но не вышло. Позже на суде этот факт прозвучит, и две крестьянки, готовившие зелье, получат свою долю кнута. А 10 сентября 1825 года Аракчееву сбивчиво сообщили, что «Настасья Федоровна занемогла».

Он помчался к ней за три десятка верст. Невероятно, но он бросил все! Уже в поместье выяснил правду: нашли «хозяйку» поутру, всю изрезанную ножами. Но сказать напрямую об этом Аракчееву просто побоялись. Ждали, когда сам увидит. По горячим следам выяснили, что накануне была ссора с Прасковьей и что брат ее поклялся отомстить. Обоих схватили немедля, а еще крестьянку Дарью Константинову, которая, судя по показаниям слуг, всячески разжигала этот конфликт.

Аракчеев словно сошел с ума. Он требовал самых строгих мер, он рыдал над телом Настасьи,

а после ее погребения быстро попросился в отставку. Здоровье уже немолодого человека дало серьезный сбой. Граф решил дожидаться окончания суда и уехать за границу.

Император, хорошо знавший о любви Аракчева, написал ему в те дни: «Я бога усердно прошу, чтобы он подкрепил твои силы и здоровье и вселил в тебя необходимую твердость с повинованием его святой воле... Любезный Алексей Андреевич, не покидай верного тебе друга».

Это проявление участия от самого главного лица в Российской империи было очень важным для Аракчеева. Впоследствии он завещал 50 тысяч рублей тому, кто напишет наиболее полную биографию императора Александра I¹.

Вероятно, Аракчеев оказывал давление на следствие, потому что завершилось оно с поразительной скоростью. Уже 5 октября 1825 года был вынесен приговор. Брат и сестра Антоновы были биты кнутом и погибли в мучениях, Дарья Константинова выжила после девяноста пяти (!!!) ударов и была отправлена на каторгу, с вырыванием ноздрей и клеймением. Новгородский земский исправник Лялин попытался было заступиться за Дарью — по причине ее беременности, но из-за этого сам лишился должности и провел за решеткой два месяца.

Назначенное наказание было таким суровым, поскольку Настасью Шумскую считали... дворян-

¹ Аракчеев внес в банк 50 тысяч рублей ассигнациями, чтобы они пролежали в банке 93 года. По истечении этого срока эту сумму вместе со всеми процентами он оставлял тому, кто напишет на русском языке лучшую биографию императора Александра I. Срок вышел в 1925 году. Судьба этих капиталов неизвестна. — *Прим. авт.*

кой. И лишь во время суда вскрылась правда. Однако дело уже было сделано. Если бы не выправленная биография, за любовницу Аракчеева такое возмездие учинить было бы невозможно. Хотя кто знает...

Огромная разница в положении между крепостными и помещиками была заложена задолго до дела Настасьи Минкиной. Еще с XVI века постепенно происходило закрепление крестьян за владельцами земли. А в 1649 году Соборное уложение разрешило бессрочный розыск беглых — по сути, признало, что живой человек, будто скотина, может кому-то принадлежать. Окончательное закабаление произошло примерно полувеком позже. Одним своим указом Петр I позволил помещикам забирать у крестьян детей к себе в услужение. Другим — все подати рассчитывать не со двора, как прежде, а с каждого человека мужского пола. Получилось, что крестьяне уже не были напрямую связаны с землей, могли не обладать никаким собственным имуществом — это в расчет не бралось. Законотворчество государя — по сути — оформило новую систему подчинения, и продержалась она (с некоторыми поправками и уточнениями) полтора столетия.

Именно во времена основателя Петербурга крепостных уже легко дарили и обменивали, продавали и проигрывали в карты. Только у Александра Меншикова, знаменитого Алексашки, живое имущество исчислялось сотней тысяч человек! И в правление Екатерины II одарить фаворита тысячью-другой душ стало обычным делом.

За один лишь день 9 августа 1762 года императрица подарила 16 тысяч крепостных. Щедрость Екатерины II распространялась на тех, кто привел

ее к власти: на братьев Орловых, гетмана Малороссии Кирилла Разумовского... Конечно, окрыленные сподвижники славили свою «матушку». Императрица умела располагать к себе. Екатерина II стала грамотным пиарщиком самой себя за несколько сотен лет до того, как это превратилось в мейнстрим.

Братьев Орловых, на беду российской казны, было пятеро. Старший, Иван, управлял имением с девятнадцатью тысячами душ (считались только мужчины, так что общее число собственных крестьян можно смело умножить на 3 или даже больше), Алексей получил от императрицы 30 тысяч, правда, не в один год. А скопил он, на момент смерти, 5 миллионов рублей! Графа Федора Орлова благодетельствовали меньше, но и он в обиде не был. Богачом слыл и младший из графского рода, Владимир (впоследствии его бездетный сын потратил почти все состояние на покупку предметов искусства).

Долговременному фавориту Екатерины, князю Потемкину, «перепали» 37 тысяч крепостных. По 5—6 тысяч крестьян получили фавориты «второго эшелона»: Завадовский, Римский-Корсаков, Дмитриев-Мамонов. Фельдмаршал Румянцев (правда, не за личные, а военные заслуги) был осчастливлен землями и семью тысячами душ, и про личного врача императрица тоже не забыла — полторы тысячи, в личное пользование. Камердинер на свое жалованье и подарки сумел прикупить две тысячи.

А за Федора Ушакова, прославленного адмирала, хлопотал фаворит Григорий Потемкин. Лично просил у государыни земли и крепостных, с полты-

сячи душ. Ведь во владении у Ушакова было всего ничего — триста.

Правда, был пример и отказа от подношений императрицы. Петр Дмитриевич Еропкин, которому выпала доля наводить порядок в Москве в 1771 году, после Чумного бунта, получил от Екатерины II Андреевскую ленту, а вот тысячу крепостных не принял. Сообщил, с поклоном, что живет с женой один, детьми Господь не одарил, и денег им для своих нужд вполне хватает.

Но крепостное право не было общим и повсеместным. Не знали его в некоторых северных губерниях, не было его за пределами Урала, не держали крепостных вольные казаки (правда, на сибирских просторах они практиковали рабство, но об этом в другой раз). А вот в центре России ситуация была совсем другой. Граф Александр Бенкендорф в 1826 году писал императору Николаю I: «Во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находятся в состоянии рабства; все остальные — финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваша... — свободны». Записка Бенкендорфа была направлена против крепостного права, но император внимательно прочитал... и убрал бумагу. В 1826 году заниматься сложным вопросом он не собирался — только-только завершилось «дело декабристов». Императору следовало укрепить власть, а не расшатывать трон. Ведь противников отмены было ничуть не меньше, чем сторонников...

Чем меньше было имение, тем более тесным оказывалось соседство крепостных и помещиков. В усадьбах, за которыми закреплялись тысячи душ, владелец едва ли знал десяток домашних слуг да

управляющего. В маленьких владениях все были на виду. У помещицы Смирновой из Тверской губернии, например, имелись грамоты на два десятка крепостных, а ее дом немногим отличался от большой крестьянской избы. Когда ее дочь, Евгения, сумела сделать головокружительную придворную карьеру и стать супругой князя Ивана Долгорукова, Смирнова принимала зятя в этих скромных условиях. Она сама растапливала самовар, пока дворовые прибирались и стелили постели.

«*Наповал по всем комнатам ложились гости спать, — записал князь Долгоруков, — и целые сутки торжественная пируха продолжалась... Нам казалось, что мы перенесены в отдаленнейшее столетие нашего мира.*»

А хирург Франсуа Мерсье, попавший в плен к русским офицерам во время войны 1812 года, с восхищением описал помещика Голбинского: «Обращался со своими крепостными, как с детьми, или, вернее, как с людьми, чья участь ему вверена».

У Александра Суворова были в распоряжении тысячи собственных крестьян. Но другом, фактическим «альтер-эго» стал для него Прохор Иванович Дубасов, Прошка, по-свойски. С Суворовым его связывали по-настоящему крепкие узы: три десятка лет в военных походах! Дубасов стал настолько примечательной фигурой, что о нем слагали анекдоты. Он исправно служил, отличался храбростью и безукоризненной преданностью, за что получил пенсию от императора Александра I и две медали

от сардинского короля Карла-Эммануила. Перед смертью Суворов распорядился дать вольную своему верному помощнику, но это пожелание исполнено не было. Вдова фельдмаршала, Варвара Ивановна, была настолько в плохих отношениях с мужем, что не отпустила Прошку на свободу. Крепостная любовь наткнулась на неожиданное препятствие.

Нежно относилась к своей крепостной Пашеньке одна из сестер Вильмонт, Марта. Женщина поселилась в России и пользовалась покровительством сподвижницы Екатерины II, княгини Дашковой. Однажды Марта получила необычный (для Англии, конечно) подарок от своей благодетельницы — девочку. Выглядела она лет на девять, хотя утверждала, что ей около одиннадцати. Марта сразу прониклась к несчастной:

«*Бедняжка. Но она никогда не испытает того, что понятие собственность я употребляю во зло. Напротив, я с радостью приняла власть... чтобы дать девочке свободу или... взять ее в ту часть света, куда отправлюсь сама. Теперь я считаю себя ответственной за ее благополучие».*

Но упоминаний о Пашеньке немного, и нет сведений, отправилась ли она с Мартой на Туманный Альбион¹? Или умерла?

Личные отношения крепостных и помещиков всегда интересовали и людей искусства, и историков. Но правду о взаимной симпатии или долгой

¹ Одно из поэтических названий Англии. — Прим. авт.

дружбе обычно скрывали, опасаясь осуждения. Поэтому о них узнавали или случайно, или, как в истории с графом Шереметевым, когда утаить истину оказывалось просто невозможным. Сколько на самом деле было сыграно свадеб, сколько появилось на свет детей в невенчаных союзах — сказать невероятно сложно. Даже после 1861 года не каждый в России был готов признаться: «Моя мать была крепостной». Так что о крепостной любви мы знаем куда меньше, чем о крепостной ненависти. Такие сюжеты отражены в документах следствия, в бумагах губернских властей и в отчетах министров, направленных императорам. Крепостная ненависть тоже была. И еще какая!

ГЛАВА 2. КРЕПОСТНАЯ НЕНАВИСТЬ

Едва произнесся брачные обеты, молодая супруга не всегда ехала в дом мужа. Случалось, что в первую очередь ей предстояло близкое знакомство с сеньором, хозяином земель. Отправить невинную деву к господину — один из обычаев Средневековья. Его называли «право первой ночи». Некоторые историки утверждают, что только в XIX веке удалось полностью прекратить эту варварскую традицию.

Кто первым додумался до этого — определить сейчас невозможно. Но германские племена еще до распространения христианства не гнушались отобрать жену у своего противника. Или потребовать девственность от невесты своего вассала. Это был обряд самоутверждения: унижить того, кто слабее. Показать свое доминирующее положение.

Но и в христианскую эпоху обычай жил. По крайней мере, в XI веке его точно практиковали в Шотландии, во времена королевы Маргариты, супруги Малькольма III.

Эту женщину в королевстве почитали особо: набожная, мудрая, заботливая. Любопытно, что о ее рождении почти ничего не известно. Историк Роджер из Хоудена, живший двумя столетиями позже, был уверен, что шотландская Маргарита доводилась родней киевскому князю Ярославу Мудрому. Но с таким же успехом можно утверждать, что королева была родственницей императоров Священной Римской империи... Фактов почти нет.

Именно Маргарита Шотландская решила вникнуть в вопрос права первой ночи и, узнав обо всем подробнее, ужаснулась тому, сколько юных дев шли на поругание из-за древнего и несправедливого обычая. Королева обратилась к мужу и добилась законодательной отмены в Шотландии сурового германского порядка. Неудивительно, что впоследствии Маргариту причислили к лику святых. Все женщины королевства поминали ее в своих молитвах!

Но горные кланы крепко держались за свои традиции. И даже воля государыни не могла разом искоренить право первой ночи. Пришлось пойти на компромисс: заменить обычай на денежную компенсацию. С той поры было принято платить господину за разрешение на брак. На такое шотландцы согласились. А вот соседи-англичане не настаивали на праве. Британский историк Уильям Блэкстоун считает, что на острове никогда не было порядка, чтобы жену вассала вели поначалу к господину. Впрочем, торжествовать англичанам не приходится: у них весь XVIII и XIX века на рынке свободно покупали и продавали жен. Развестись было нереально, а вот оформить договор купли-продажи — очень даже легко. Сотни женщин попали к новым

хозяевам после таких аукционов, обычно устраиваемых на постоянных дворах. Тоже так себе традиция¹.

Расплачиваться заставляли и подчиненных во Франции. Жюль Мишле упоминает о временах, относящихся к правлению последних Валуа (примерно в середине XVI века): «Неподалеку от Буржа, — пишет Мишле, — сеньор требовал “первых плодов” для себя, на самом деле просто ожидая денежного выкупа». Еще очень долгое время в своих владениях феодал был вправе и судить, и наказывать (вспомним графа де Ла Фер, который повесил собственную жену), и даже набирать войско.

Платить за невинность предложил и папа Урбан II. Это он придумал налог «каллагиум» в конце XI века. Но не для женщин, а для мужчин. Считалось, что, если священник хочет нарушить целибат и завести себе даму сердца, никаких препятствий к этому нет — достаточно заплатить в казну определенный налог.

Разумеется, что было приятно и понятно одному, другой мог считать варварством и бесстыдством. Не всякий господин охотно приглашал к себе деву после венчания. В XVI веке юрист Жан Папон утверждал, что многие французские сеньоры с презрением относятся к обычаю первой ночи. Речь шла о столичных господах, а вот в провинции некоторые графы предпочитали формальное соблюдение обычая. Чтобы «возлечь» с девицей, но при этом пощадить ее стыдливость, достаточно было

¹ Кстати, продажа жен в Шотландии в ту же эпоху не прижилась. После первой попытки организации торго в начале 1810-х в Эдинбурге поднялся такой возмущенный женский крик, что повторять опыт не решились. — *Прим. авт.*

перед брачной ночью оказаться у постели молодоженов и положить на покрывало свою руку. Или поставить ногу. Коснулся — сквозь покров — тела дамы, и вроде бы отдал дань традиции. Так что иногда этот обычай во Франции иронично называли «право ляжки».

Быть зависимым и подчиненным в Испании — тоже значило соблюдать обычай права первой ночи. Знатные сеньоры Пиренейского полуострова абсолютно спокойно укладывали в свои постели чужих жен. Отменить позорный ритуал решил супруг знаменитой королевы Изабеллы Католички, король Фердинанд II Арагонский. В 1468 году он подписал указ, в котором четко проговаривалось: ни один господин не должен брать себе невесту другого, а также требовать за освобождение от этого денежную плату. Маргарита Шотландская в XI веке не сумела избежать компенсации за отказ от «Права», а вот в XV до этого дозрели!

«*В христианской Европе, — писал Вольтер, — это было принято очень долгое время... притом что такую тиранию не подтверждал ни один из законов!» И Вольтер был не единственным, кто про это писал. В средневековой поэме «Бодуэн де Сибурк», датированной примерно 1350 годом, есть и о праве первой ночи. В XVIII веке в трилогии Бомарше о ловком цирюльнике Фигаро тоже можно прочесть об этом пережитке.*

Формально закона о праве первой ночи, конечно, не существовало. В этом Вольтер был прав. И в России его не прописывали официально. Но

про господские вольности знали все. В XIX веке прогрессивные умы часто выражали негодование относительно крепостного права и сопутствующих ему порядков. Князь Александр Васильчиков, либерал и меценат, писал, что ему известны случаи, когда помещики принуждают девушек к близости. Что могло посеять такое кощунство? Только ненависть!

Когда в 1812 году началось вторжение Наполеона и русская армия потерпела ряд неудач, в Петербурге на полном серьезе рассматривали предложение вывезти из столицы все учреждения. Однако сразу прозвучало возражение: едва господа покинут город, «все разграбят, разорят, опустошат». Точно такие же мысли высказывал в Москве барон Штейнгель: одних дворовых в городе девяносто тысяч, и они готовы взяться за нож. «И первыми жертвами будут наши бабушки, тетушки, сестры». На самом деле во время своей русской кампании Наполеон не раз высказывал планы на будущее — извести крепостное право. Так что опасались бунтов не зря.

К началу войны с французами Россия уже пережила пугачевщину и повторения не хотела. «Емельян сотоварищи» прошелся по помещичьим имениям с огнем и мечом, десятками вешал офицеров. Когда французы продвигались к Москве, многие дворяне бросали свои дома. И грабили их не только солдаты Наполеона. Свои, местные крестьяне с большой охотой растаскивали хозяйское добро. Уже в те годы ненависть к «барам» была просто огромной.

Но, кроме пугачевского, были и другие восстания — меньшего размаха и не настолько из-

вестные. С 1826 года по 1834-й Министерство внутренних дел насчитало 148 бунтов. А за год до отмены крепостного права — 108. С 1835 года по 1843-й в Сибирь отправили четыреста человек за расправу над помещиками. А один из самых громких случаев пришелся на 1806 год. Тогда в Петербурге был убит своим кучером князь Яблоновский. О причинах не сообщали, только о последствиях — кучер бежал, вскоре был схвачен и приговорен к двумстам ударам кнута. Наказание привели в исполнение 20 сентября того же года на Конной площади. Посмотреть на это собралась огромная толпа.

Чем провинился перед кучером князь Яблоновский? Трудно сказать. Между князем и крепостным — пропасть в положении, и слуга не мог понимать, что его ждет за такое преступление. Однако в подобных историях чаще всего выплывала самая простая подоплека: возможно, кучер не раз подвергался наказаниям, и не всегда они были справедливыми.

Отец Федора Михайловича Достоевского, помещик и крепостник, тоже был убит в 1839 году своими крестьянами не просто так. «Зверь был человек», — говорили о нем. Даже сам писатель отзывался об отце не слишком комплиментарно, отмечая, что тот был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное — вспыльчив! П.П. Семенов-Тянь-Шанский вообще считал, что в XIX веке: «Не проходило и года без того, чтобы кто-либо из помещиков... не был убит своими крепостными». Причины одинаковы — голод, несправедливое отношение, излишняя жестокость, насилие и открытое издевательство.

Жестокое отношение к своей живой собственности демонстрировали очень многие помещики. Однофамилица Салтычихи, графиня Наталья Салтыкова, годами держала в маленькой комнатке, примыкающей к спальне, своего парикмахера. Она выпускала его оттуда только раз в день, чтобы тот сделал ей прическу, а затем снова запирала на ключ. Справление надобностей, еда, сон и все остальное происходили в одном и том же крошечном помещении. Вздорная помещица опасалась: кто-то прознает, что у нее началось облысение и для наведения красоты она использует накладные шиньоны. По этой причине парикмахера прятали. После двух лет в заточении мужчине удалось сбежать. Салтыкова немедленно объявила крепостного в розыск, но он успеха не принес¹.

«Нет более строгих в наказании своих слуг, как женщины», — отмечал путешественник Ричард Бремнер. И эту фразу полностью подтверждает история княгини Александры Козловской.

Суровый нрав Александра унаследовала от отца — рижского губернатора, Владимира Петровича Долгорукова. Это был настолько гордый и высокомерный человек, что домашние не смели ему и слова поперек сказать. Владимир Петрович правил

¹ Возможно, этой историей вдохновился Николай Лесков при создании образа Аркадия в «Тупейном художнике». В рассказе парикмахер графа тоже не должен покидать дом своего хозяина, даже для посещения церкви. Исключение делалось для театра, в котором играла крепостная актриса, собственность графа. — *Прим. авт.*

в доме, словно государь, в то время как его супруга, Елена Васильевна, старалась при нем общаться исключительно шепотом.

Но детей у этой пары было вдоволь. Их третья дочь, Александра, родилась в 1736 году. По сравнению с хрупкой матерью девушка выглядела внушительно. Высокий рост, полная фигура — Александра не метила в красавицы. Но замуж ее выдали вполне удачно, за князя Якова Алексеевича Козловского. У того имелся приличный доход, поместье, а на большее, при внешних данных Александры, рассчитывать было нельзя. Даже милovidные девушки при дворе не всегда могли найти себе хорошую пару. Дочь князя Черкасского, например, пережила две сорвавшиеся помолвки: от нее отказался граф Левенвольде и князь Кантемир. А у Варвары было огромное наследство! Словом, для княжны Долгоруковой все сложилось как нельзя лучше.

Рослая жена куда больше была похожа на матушку сублильного князя. Когда они появлялись вместе, Александра и Яков, знакомые не могли удержаться от улыбки.

«Это была женщина громадных размеров по росту и тучности и похожа на одного из сфинксов, находимых... среди памятников Египта», — записал в своих воспоминаниях Шарль Франсуа Массон.

Чего и следовало ожидать, супружеская пара не была счастливой. Яков Алексеевич быстро уставал от громкой и требовательной жены и предпочитал тишину кабинета или прогулку в парке присутствию на домашних ужинах. И только поначалу он прогуливался один. В редкие часы, когда князь заглядывал в детскую, ему удавалось перебросить-